

И.И. Матвеева

Сатирический модус романа А.Н. Новикова «Ратные подвиги простаков»

В статье анализируется роман А.Н. Новикова «Ратные подвиги простаков» с точки зрения неклассической сатирической поэтики. Война в произведении изображена средствами комического, чему во многом способствовали центральные персонажи романа — простаки. Автор статьи доказывает, что герои Новикова — амбивалентные типы, соединяющие положительные и отрицательные черты. Сложность персонажей обусловлена приёмами автоиронии, расслоения образа, принципом многослойности.

The paper analyzes the novel «Simpletons' Feats of Arms» by A. Novikov from the viewpoint of non-classical satirical poetic manner. The theme of war is presented in the work by comic means, which were greatly contributed by the central characters of the novel — the simpletons. The author proves that Novikov's comic heroes should be considered as ambivalent types that combine positive and negative features. The characters' complexity is induced by the devices of self-irony, personage layering and multi-layer principle.

Ключевые слова: А.Н. Новиков; Первая мировая война; диалог; сатира; ирония.

Keywords: A.N. Novikov; The First World War; dialogue; satire; irony.

Творчество погибшего в период сталинских репрессий А.Н. Новикова (1888–1941) в последние годы всё чаще становится объектом исследования [4; 6; 10]. И это не случайно, так как Новиков органично вписан в литературный процесс 1920-х годов: с его именем связана вторая волна дискуссии о сатире.

В советском литературоведении Новикова проводили по ведомству сатиры, нередко оценивая отрицательно. Но и в наши дни к наследию писателя подходят с опаской. Дело в том, что оно не вписывается в канон классической, бичующей пороки сатиры, а его произведения лишены однозначного отрицания, совмещают лирико-иронический и философский компонент. Цель настоящей статьи — исследование образной системы и художественных средств романа в связи с концепцией диалогической сатиры [8].

Тема войны в сатирической литературе встречается редко. Трагические испытания народов мало кто из писателей решается подвергнуть осмеянию. Другое дело — *диалогическая сатира* — сатира неклассического типа, основанная на принципах *диалогизма* (используем здесь термин М.М. Бахтина, хотя он вкладывал в понятие иное значение). Сатира неклассического типа демонстрирует новые свойства, и прежде всего отказ от презентации авторской

позиции, уход от принципа осуждения и иронию по отношению к «неготовому миру» и «незавершённой человеку» [8: с. 64–65, 129].

Роман «Ратные подвиги простаков» (1932–1934) писался в драматический период отечественной словесности, когда на смену 1920-м годам с их творческими поисками и многообразием стилей приходили 1930-е, диктующие регламентированность, заданность конфликтов и характеров. Несколькими годами ранее Новиков оказался в эпицентре бури, связанной с публикацией его повести «Причины происхождения туманностей» (1929) и, шире, с попытками разгрома группы «Перевал», членом которой он был. После жёсткой критики повести, а также кампании «проработки» А.П. Платонова¹ он был вынужден в 1931 году выйти из группы и постарался «выпрямить» своё творчество. Но сатирический модус художественности не мог исчезнуть бесследно. Роман «Ратные подвиги простаков» — попытка преодолеть критический настрой по отношению к современности и переместить отрицание в другую временную плоскость. Именно поэтому действие романа происходит в период Первой мировой войны, которая изображается не только с определённой временной дистанции (с высоты 1930-х годов), дающей право автору усомниться в её целесообразности, но и с новых классовых позиций, когда народ обрёл право судить уходящий в прошлое старый мир. И всё же, несмотря на трагичность описанных в романе событий, именно смех организует его структуру и образную систему. Не случайно героями становятся трое представителей социальных низов, что оживляет устойчивый архетип народного сознания — дурака, простака, шута.

Уже в заглавии романа иронически обозначены две центральные темы — войны и дураков. Этим автор, с одной стороны, указывал на дозволенные цензурой источники своего произведения: сатирические романы М. Твена «Простак за границей» (1869) (переведён на русский язык в 1897 году) и роман Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» (перевод опубликован в СССР в 1928 году). С другой стороны, писатель мог сознательно апеллировать к творчеству А.П. Платонова², в котором особое место занимает герой-чудак, также восходящий к образу фольклорного Ивана-дурака [9: с. 50].

Тема войны в романе

Вынеся в заглавие смягчённую форму обозначения людей глупых, наивных и в силу этого попадающих в смешные положения, Новиков ориентировал читателя на «лёгкий» характер произведения. Однако он поместил комических героев в далеко не смешную обстановку боевых действий. Сюжет основан на реальных событиях: Восточно-Прусской операции и разгроме армии генерала

¹ В ходе так называемого «творческого вечера» А.П. Платонова в Союзе писателей несколько раз в негативном контексте упоминалось имя А.Н. Новикова (см. об этом: Стенограмма творческого вечера Андрея Платонова в ВССП 1 февраля 1932 года // Андрей Платонов. Воспоминания современников. М.: Совр. писатель, 1994. С. 302, 307).

² С А.П. Платоновым А.Н. Новикова связывали и дружеские отношения, и особая интертекстуальная игра, имеющая целью создать единое смысловое и художественное поле (см. об этом: [5]).

А.В. Самсонова. Новиков, участник этого бесславного похода, воссоздал атмосферу хаоса, царившую в войсках с начала мобилизации до панического отступления. Чудом выжив, похоронив десятки товарищей, Новиков на всю жизнь сохранил ненависть к бездарным командирам, отправившим в небытие тысячи людей. Именно этим объясняется *лирико-ироническая стихия* произведения.

Подобно Я. Гашеку, Новиков разбил текст романа на цепь анекдотов из жизни российской и немецкой армий, в которых высмеял произвол, трусость, оторванность от жизни офицерского состава. Так, генерал Раннекампф, обещавший отрубить себе правую руку, если не «совершит триумфального въезда в столицу немцев» [2: с. 36], в походе больше думает о еде, чем о стратегии ведения боёв, а накануне сражения страдает постыдной «окопной болезнью», что обыгрывается с помощью словоигры с обценными смыслами. Комендант русской армии совершает должностное преступление: берёт трёх девиц на довольствие, прельстившись ямочками на щеках одной из них. На оккупированной территории русская армия мародёрствует, обзаводится скарбом, мешающим передвижению войск.

В немецком стане также царит неразбериха, мало напоминающая запланированный блиц-бросок. Командиры сталкиваются то с партизанской войной, то с неисполнением приказов рядовыми офицерами. Новиков высмеял «цивилизованные» способы ведения войны в Европе, где города сдаются без единого выстрела. Такова сцена «завоевания» бельгийского города Льежа немецким штабным генералом Людендорфом. Полагая, что отданный им приказ не может быть не исполнен и вражеская цитадель уже занята арьергардом, Людендорф подъехал к её закрытым воротам и, постучав в них, осведомился о численности находящихся там войск. Получив ответ бельгийского унтер-офицера, генерал сообщил ему: «В таком случае вы полонены. Я приказываю передать ключи моему адъютанту, а роты обезоружить...» [2: с. 48]. Так в результате казуса цитадель бельгийцев пала. В этой комической сцене отражён реальный факт штурма Льежа, когда после кровопролитных боёв немцев и бельгийцев последние действительно сдали цитадель Людендорфу и его адъютанту, поддавшись необъяснимой панике.

Новиков показал разницу в восприятии войны русскими простакими и их противниками. Если для немецких генералов война — это «большой и ответственный спектакль» [2: с. 43], то для российского командования, интеллигенции и даже народа — лёгкая военная прогулка в Берлин, призванная в течение четырёх месяцев возвеличить Россию. Задолго до боёв русские простаки мечтают о подвигах и славе. Поручик Савков грезит о том, как будет руководить артиллерийской стрельбой с вершины дерева и вскоре непременно удостоится «золотого оружия с шёлковым темляком на георгиевской ленте» [2: с. 47]. Офицеры втайне рассчитывают на смерть старших командиров, видя на вершине воинской славы только себя.

Солдатам кружат головы будущие победы над берлинскими женщинами. Иван Бытин уверен, что «любая берлинская девка на любом бульваре примет полностью сердечную теплоту русского нижнего чина» [2: с. 50]. В данном пассаже Новиков обыграл мифологему начала Первой мировой войны, запечатлённую в стихотворении В. Маяковского «Война объявлена». Стихи, опубликованные в августе 1914 года, получили широкую известность благодаря строкам,

демонстрирующим ура-патриотизм начала войны: «...шашки о шёлк кокоток // вытрем, вытрем в бульварах Вены!» [1: с. 65].

Комизм ситуации усугубляется тем, что накануне похода у русской армии «в наличии только холостые» патроны [2: с. 48]. Подобное положение не тревожит командование, полагавшее, что «в текущей войне пули нужны не для попадания, а для остротки» и «немцев можно одолеть и пулями из хлопчатой бумаги» [2: с. 48].

Русская армия укомплектована офицерами, способными подготовить солдат лишь к маршировке на плацу. Генерал Влащевский требует от нижних чинов безукоризненного внешнего вида, чтобы «каждый кадет походил внешностью на восклицательный знак» [2: с. 151]. Глупость русского командного состава олицетворяет полковник Гоголадзе, чью голову постоянно посещают бредовые идеи. Так, в преддверии сражения его живо интересовал вопрос, «почему не летит корова, которая так же, как и ракета, имеет хвост» [2: с. 77]. Не привыкший к боевому оружию, он тренировался в стрельбе косточками чернослива, сделав мишенью лоб денщика. При этом полковник искренне верил, что «тем самым ласкает <...> солдатское сердце» [2: с. 76]. Сатира, связанная с образом Гоголадзе, вовсе не так безобидна, как может показаться на первый взгляд. Грузинская фамилия, акцент полковника, высокий статус князя вызывает определённые ассоциации с образом «отца всех народов». К тому же привычка бросать в собеседника за обедом косточки напоминает поведение Сталина на банкете в честь 15-летия Октябрьской революции накануне самоубийства его жены Н.С. Алилуевой, когда он кидал скатанными шариками хлеба в приглашённую на банкет артистку.

В изображении офицеров Новиков следовал традициям сатиры XIX века. Некоторые картины напрямую апеллируют к произведениям М.Е. Салтыкова-Щедрина. Так, полковник Марков, оказавшись на необитаемом острове, подобно двум щедринским генералам, паразитирует за счёт рядового Олейникова. Марков не только лишил «нижнего чина» последней еды, но раздел и разул его, а затем попытался отправить на противоположный берег за лодкой. Свои ратные подвиги полковник закончил тем, что выбросил белый флаг, для чего снял с простака Олейникова последние подштанники.

В романе своеобразно использованы эсхатологические мотивы. Так, полковой горнист, которого любил слушать полковник Гоголадзе, напоминает «архангела, возвещавшего миру о начале страшного суда» [2: с. 78]. Но полковник оказался не в состоянии распознать страшный сигнал и повел войско к краху. Сцена последнего боя напоминает Апокалипсис: «...В это время над головами нижних чинов что-то заскрежетало, свища и напрягаясь. Вздригнуло всё живое...» [2: с. 249].

Ответственность за поражение высшие офицеры склонны переваливать на чужие плечи. Например, генерал Артамонов, считавший, что иконы на войне важнее патронов, оправдал бегство своего корпуса тем, что ничто не совершается без Божьей воли.

Особенное негодование вызывает у автора генерал Самсонов, который не сумел победить противника, уберечь армию от потерь, но главное, не нашёл в себе сил смыть позор кровью. Новиков (вопреки исторической правде) показал

трусливую попытку генерала под покровом ночи уйти на восток. Однако командующий армией был остановлен полковником Тереховым и застрелен: «Генерал стал пятиться назад, бросая на полковника взор, полный смирения и мольбы. Полковник поспешно нагнулся, отстегнул барашек, освободив таким образом генеральский револьвер... «Ваше превосходительство! Неужели вы и на меньшее, чем командовать армией, не способны?»» [2: с. 240].

Тема простаков

Тема простаков/дураков благодатна для сатиры, так как позволяет писателю с помощью «наивного» остранившегося сознания высказать критическую точку зрения на события. Вместе с тем персонажи Новикова далеки от классических комических типов, представляющих негативные качества, подлежащие осмеянию. Главных героев романа — Ивана Бытина, Павла Шатрова и Илью Лыкова — нельзя назвать отрицательными. Несмотря на то, что они имеют выраженный характер «сатирического самоопределения» [7: с. 119], персонажи обладают целым рядом «разнонаправленных» характеристик (Л. Гинзбург) и наряду с комическими чертами демонстрируют храбрость, романтизм, верность, мечтают о новом миропорядке, который придёт на смену старому «обветшалому миру» [2: с. 32], что сближает их с положительными героями послеоктябрьской литературы.

Трое друзей, подобно фольклорным персонажам, идут за правдой, ищут истину. Их «классовая благонадёжность» маркирована именами. Одному из них Новиков дал самое распространённое русское имя Иван и фамилию Бытин, отсылающую к философской оппозиции *бытие* и *сознание*. Имя и фамилия героя подчёркивают его простодушие и одновременно склонность к размышлениям, а значит, и к развитию, самосовершенствованию. Имя Ильи Лыкова тоже говорящее и определяет героя как сильного человека (Илья Муромец), фамилия же выдаёт крестьянское происхождение (лыко — древесное волокно, из которого плетут лапти). В имени Павла Шатрова зашифрованы два важных значения: в переводе с латинского оно обозначает «маленький», «незначительный»; с другой стороны, отсылает к апостолу Павлу — апостолу язычников, обратившемуся к христианству после встречи с воскресшим Иисусом Христом. Фамилия героя, происходящая от слова «шатёр», в русском языке соотносится прежде всего с шатровыми крышами церкви и метафорой «шатёр неба». Действительно, рядовой Шатров на войне приобретает «соломонову мудрость», он становится предсказателем грядущего военного апокалипсиса, а в сценах с его участием довольно часто присутствует библейский подтекст.

В начале войны герои, как и большинство российских простаков, мечтают о подвигах, но в ходе боёв понимают: война не парад, она обрывает жизни, сеет произвол и разорение. Друзья постигают, что война несправедлива прежде всего к простому народу, делая его пушечным мясом, а патриотические призывы маскируют жадность и подлость политиков и высших офицеров.

А.Н. Новиков назвал простаками солдат, офицеров и интеллигенцию, приветствовавшую начало войны. Высмеивая «буйное патриотическое настроение

российских простаков», Новиков клеймил преступную безответственность всего общества, пославшего на смерть свой народ.

Разрабатывая тему простаков, Новиков прибегнул к *приёму расщепления образа*. Все герои романа считают глупыми не себя, а окружающих. Русские офицеры уверены, что «солдат есть рыло, а не личность» [2: с. 49], солдаты убеждены в тупости начальства, русские люди — в глупости немцев. Немцы не допускают мысли о поражении от «примитивных» противников: «Русские так примитивны, но что же случилось с корпусом Макензена?» [2: с. 74]. Командование русской армии каждым действием подтверждает свою никчёмность. Генерал Самсонов отправил незашифрованные распоряжения о передвижении войск, тут же перехваченные немецкой стороной, что с удовлетворением прокомментировал Макс Гофман: «Наш новый союзник — глупость русских!» [2: с. 137]. Так одни действующие лица романа обнажают глупость других. В результате образ простака/дурака, с одной стороны, расслаивается, а с другой, умножает свои черты, вырастая в гротескную фигуру бессмысленного идиотизма войны.

В отличие от сатириков, ориентированных на классическую традицию, Новиков не выражает своё мнение о пороке ни прямо, ни через отталкивание. Оно растворено в многоголосом хоре героев. «Война что твоя пасха: тут что ни убоина, то человек», — говорит Иван Бытин [2: с. 124]. В ответ на анекдот о свиньях, пожирающих собственный приплод, некий солдат сказал: «Человек — тоже свинья: свой род ему истреблять нипочём!» [2: с. 116]; «там Каин идёт на Авеля» [2: с. 248] и т. д. Так с помощью *приёма полифонии* автор романа вынес приговор мировой бойне.

Типичные персонажи классической сатиры являют собой застывшие маски, как правило, неспособные к развитию. Но центральные герои Новикова в ходе военного похода *претерпевают метаморфозу*. Из простаков они постепенно превращаются в людей, осознавших ценность жизни. Они, наконец, постигают истину: ратные подвиги, о которых они мечтали, и есть настоящая глупость, и от неё следует как можно скорее избавиться. Это понимание делает героев носителями диалогического сознания и представителями прогрессирующего человечества.

Таким образом, роман демонстрирует *двойственное мирозерцание* автора, находящегося между двумя полюсами: сатиры и трагедии. Время требовало от писателей изображения идеального грядущего мира, роста нового сознания, но собственный трагический опыт вёл А. Новикова к другим горизонтам, диктуя скептицизм и взывая к разрушению ложных истин. В итоге рождалась *синтетическая поэтика*, сочетавшая серьёзное и комическое, гнев и иронию, смех и слёзы.

Библиографический список

Источники

1. Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 1955–1961. 362 с.
2. Новиков А.Н. Ратные подвиги простаков. Избранные произведения. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2005. 528 с.

Литература

3. Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. 731 с.
4. Карякина Л.А. Человек и война в романе А. Новикова «Ратные подвиги проstackов» и в повести А. Платонова «Сокровенный человек» // Вестник ВГУ. Сер. «Филология. Журналистика». 2008. № 1. С. 61–66.
5. Матвеева И.И. Новиков и Платонов: диалог сатириков // Творчество А. Платонова: Проблемы интерпретации и восприятия. Воронеж: Наука – Юнипресс, 2014. С. 148–156.
6. Никонова Т.А. А. Платонов и А. Новиков: К истории творческих отношений // Андрей Платонов: Исследования и материалы. Воронеж, 1993. С. 137–152.
7. Тупа В.И. Художественность литературного произведения. Вопросы типологии. Красноярск, 1987. 217 с.
8. Федяева Т.А. Диалог и сатира: проблемы поэтики сатиры неклассического типа. СПб.: Союз писателей России, 2013. 284 с.
9. Шубин Л.А. Сказка про усомнившегося Макара // Литературное обозрение. 1987. № 8. С. 46–54.
10. Эльзон М. Хождение по мукам с Андреем Новиковым // Нева. 2004. № 10. С. 260–262.

References*Istochniki*

1. Mayakovskij V.V. Poln. sobr. soch.: v 13 t. T. 1. M.: IMLI RAN, 1955–1961. 362 s.
2. Novikov A.N. Ratny'e podvigi prostakov. Izbranny'e proizvedeniya. Voronezh: Centr duhovnogo vrozhdeniya Chernozemnogo kraja, 2005. 528 s.

Literatura

3. Baxtin M.M. Sobr. soch.: v 7 t. T. 5: Raboty' 1940-x – nachala 1960-x godov. M.: Russkieslovari, 1977. 731 s.
4. Karyakina L.A. Chelovek i vojna v romane A. Novikova «Ratny'e podvigi prostakov» i v povesti A. Platonova «Sokrovenny'j chelovek» // Vestnik VGU. Ser. «Filologiya. Zhurnalistika». 2008. № 1. S. 61–66.
5. Matveeva I.I. Novikov i Platonov: dialog satirikov // Tvorchestvo A. Platonova: Problemy' interpretacii i vospriyatiya. Voronezh: Nauka – Yunipress, 2014. S. 148–156.
6. Nikonova T.A. A. Platonov i A. Novikov: K istorii tvorcheskix otnoshenij // Andrej Platonov: Issledovaniya i materialy'. Voronezh, 1993. S. 137–152.
7. Tyupa V.I. Xudozhestvennost' literaturnogo proizvedeniya. Voprosy' tipologii. Krasnoyarsk, 1987. 217 s.
8. Fedyayeva T.A. Dialog i satira: problemy' poe'tiki satiry' neklassicheskogo tipa. SPb.: Soyuz pisatelej Rossii, 2013. 284 s.
9. Shubin L.A. Skazka pro usomnivshegosya Makara // Literaturnoe obozrenie. 1987. № 8. S. 46–54.
10. El'zon M. Xozhdenie po mukam s Andreeom Novikovy'm // Neva. 2004. № 10. S. 260–262.